

ЮРИЙ ПИМЕНОВ: ВЕРЮ В РЕАЛИЗМ

Народный художник СССР Ю. ПИМЕНОВ

НА ХОЛОДНОЙ, блестящей от дождя дощатой платформе железнодорожной станции, продуваемой всеми ветрами, стоит женщина. Просто, даже бедно одетая, в неуклюжих растоптанных валенках, с рюкзаком за спиной. Усталое тревожное лицо полно заботы: война кончается, но все вокруг хранит ее следы. Застыв в минутной нерешительности, женщина как бы вглядывается в будущее — надо строить жизнь заново.

«Осенняя станция» назвал это полотно Юрий Иванович Пименов. Написанное в Москве, оно скоро стало собственностью Русского музея и уехало в Ленинград. Жители столицы увидели его вновь в прошлом году на выставке «Защитникам Москвы посвящается». Совсем простое и непритязательное, оно экспонировалось среди батальных картин и — удивительно! — более точно, чем иные из них, рассказывало о том суровом и мужественном времени. Духовную атмосферу, настроение осени 1944 года Пименов сумел передать не только обстановкой и внешними аксессуарами картины, но и тонкой выразительностью портрета своей героини. Лицо женщины так насыщено психологически, что воскрешает сложнейшие переживания военных лет.

Мастерство Пименова — певца социалистической Москвы — широко известно. В 1967 году он был удостоен Ленинской премии за живописную серию «Новые кварталы» — поэтический рассказ о жизни новостроев. Все мы помним его светящуюся радостью «Новую Москву», лирически взволнованную «Свадьбу на завтрашней улице», овеянные свежестью натюрморты «Клубника с молоком» и «Дальняя дорога». Но мы редко и мало говорим о пименовском портрете. А между тем люди, изображенные им, очень интересны. И даже не столько многообразием душевных нюансов, сколько переданным в их облике характером времени, воплощенной в них эпохой. Этим была особенно сильна и уже упоминавшаяся «Осенняя станция».

Герои и героини Пименова — всегда люди нашего века. Такой современницей написал Пименов и актрису Татьяну Самойлову в роли Анны Карениной. Я видела этот портрет в мастерской Пименова, когда он только что был закончен.

Мне этот портрет понравился сразу. У Анны — Самойловой куластое лицо, большие руки, даже непереносимые завитки на шее даны лишь намеком, на лбу современная челка. От толстовской Анны только драматическая напряженность бледно-розовых губ да глубина вавилонских миндалевидных глаз, в которых прячется ее отношение к жизни. Да, аристократизма, изысканности нет. Но, на мой взгляд, есть большее: душа Анны Карениной, ее страстность и полнота самоотдачи, цельность и пылкость ее чувств, их нерасчетливость и неразменность — все или ничего! Это, может быть, не столь-

ко Анна Каренина, созданная Толстым, сколько современная женщина, по силе чувств, темпераменту и мироощущению равная Анне. Анна, какой она могла бы быть в наше время.

Помню первоначальный этюд. Там были схвачены лишь признаки сходства. Путь к портрету был путем к выражению общечеловеческих чувств, нашедших свое воплощение некогда в образе Карениной. Показывая свое отношение к ней, художник раскрывал свое мировоззрение.

— А как вы сами относитесь к этому портрету, Юрий Иванович?

— Говорить о своих работах, а тем более сравнивать их —

трудно. Все они мне чем-нибудь да дороги. Я не принадлежу к самонадеянным людям и понимаю, что работы не могут быть равнозначными, но судить их не могу. Глядя на законченные полотна, я вижу не только то, что на них написано, но и то, что я хотел написать. Мою мечту. И когда я рассказываю о них, то говорю главным образом не о реализованном замысле, а о мечте.

Конечно, путь к ней долг и труден — и иногда переделываешь не детали и частности, но попросту переписываешь все полотно. Вот вы вспоминали об этюде к «Анне», а я сейчас покажу вам первый вариант портрета. Совершенно сделанный, видите, я даже не пытался вносить в него изменения, а взял чистый холст и начал работать заново, не приняв от первого варианта ничего. В том портрете сочетания тонов, на первый взгляд, наряднее, эффектнее. Но именно эта яркость, нарядность, романтический итальянский пейзаж на стене придавали портрету известную салонность. Он слишком «легко смотрелся», не требовал от зрителя ответной работы мысли, а моей главной целью было заставить не полюбоваться, но задуматься.

— Рядом с «Анной» на Всесоюзной юбилейной экспонировались натюрморты; на предыдущих выставках вы показывали жанры. А что вам самому ближе: портрет? Жанр? Натюрморт?

— На это не так просто ответить — не «расфасуешь». Портреты я писал всю жизнь, начиная с портретов художницы Л. Силич и Зинаиды Райх в роли Маргариты Готье. Этот акварельный портрет сейчас мало знают, он в запасниках Третьяковской галереи, но я его люблю до сих пор. Мне хотелось в нем показать атмосферу спектакля (кстати сказать, это был великолепный спектакль — «Дама с камелиями» у Мейерхольда) и духовную сущность актрисы: взволнованную нежность и романтическую неподнятость чувств.

Я люблю делать афиши, может быть, вы помните афишу к «Пышке» М. Романа (по Мопассану)! Она экспонировалась на моей персональной выставке. Почти во весь лист лицо, глаза, полные обиды и слез. Задача такой афиши тоже близка к портрету.

Меня всегда интересовало душевное состояние человека — смятения или радости, ожидания или растерянности. Душевное состояние, настроение, захваченное врасплох, неожиданно. В сущности, этот же интерес руководит мной и в других видах работ. Я далек от понимания жанра как рассказа сатирических или сентиментальных анекдотов. Мне интересны жанры настроения, особого ощущения реальности — фигуры в атмосфере дождя, старинные соборы и современные стекло и бетон, лица, одежда, особая душа городских окраин с их то веселыми, то грустными мелодиями жизни.

Люблю писать и неживые предметы: тарелку с залитой молоком клубничкой,

телефонный аппарат со снятой, ожидающей ответа трубкой; дверь с переполненным газетами почтовым ящиком.

Натюрморт! И да, и нет. Ведь слово «натюрморт» расшифровывается как «мертвая природа», «мертвая натура» и пишется со специально подобранных художником вещей — то есть постановки; такую постановку делал даже Манэ. Я хочу писать «живую натуру», увиденную на улице или в комнате, существующую в действительной жизни. Уже несколько лет я работаю над циклом «Вещи людей». Для меня все наши вещи — шахматные доски, кофейные чашки, будки телефонных автоматов — это не просто предметы, но и свидетели нового психологического состояния человека, отблеск времени. Старые и новые вещи, встречающиеся в каждой квартире, в каждой комнате, чемоданы и авиационные сумки — преддверие дорог XX века, капли на оконном стекле, утренние покупки из магазина — во всем этом всегда видно сложное движение жизни.

Иногда спрашивают: не слишком ли мало передавать мимолетное состояние, настроение! Нет, не мало. Настроение — это уже психология. А психология и эпоха всегда неразрывны.

Сколько времени работаю над полотном! По-разному. Но суть даже не в этом, сколько времени потратил художник на непосредственное выполнение того или другого произведения, а сколько дней, месяцев, лет идет он к своему чувству и к его реализации. Известен анекдот, кажется, о Мейсоне, который, беседуя с каким-то человеком, набросал карандашом его портрет. Тот попросил продать рисунок. «Пожалуйста!» — ответил Мейсон. — Четыреста франков. «За что? За пять минут работы!» — «Но, чтобы нарисовать вас за пять минут, я должен был учиться двадцать пять лет».

В мимолетности, легкости мазка или карандаша — подчас кроется больше художественного мастерства, чем в самой торжественной и исчерпывающей детализации. Я не променяю живого письма Манэ на живопись любого из аккуратных живописцев Салона. Уловить и передать изменчивость проходящего времени страшно трудно. Дега — вот кто умен превосходно показать неожиданный поворот, исчезающий жест, движение. Я его считаю самым сложным из всей плеяды импрессионистов, и его задачи, по-моему, современны до сих пор. В какой-то мере он был предшественником кинематографических композиций, да и вообще изобразительное искусство во многом помогает кинематографу, особенно современной кинематографии настроения. Но и кино подбрасывает изобразительному искусству совсем новые мысли о композиции, о содержании, о чувстве.

Нет, я вовсе не ратую за то, чтобы все было похоже на Дега или Манэ. Искусство — многолико, и хорошо, чтобы есть и хрупкий, мужественный Дела-

круа, и нежнейший Ренуар. Каждому свое. Свести искусство к одному знаменателю — не только обокрасть, но и погубить его. Каждый мастер выразил какие-то движения человеческой души, и мы зачастую любим не похожих друг на друга художников. Мне, например, если говорить о портретистах, хочется назвать таких противоположных живописцев, как Нестеров и Кончаловский. Портреты Нестерова, по моему мнению, передают облик времени, в котором ли его герои, лучше и выразительнее иных многогранных романов и исторических исследований. Я уже не говорю о его живописном мастерстве, о психологической выразительности портретных рисунков — это можно сказать о большинстве крупных художников, в частности и о П. П. Кончаловском. Он удивительно умен поймать в человеке то главное, что неподвластно даже времени. Есть у него портрет его дочери Наташи, молодой, полной радости и душевного здоровья. Сколько воды утекло с того времени, когда он был написан! Но недавно, встретив Наталью Петровну Кончаловскую, я убедился, что главное содержание холста осталось без изменения: эта русская красота сохранилась в ней и сейчас и продолжилась в ее дочери — внучке художника (ее ребенком тоже писал П. П. Кончаловский).

А как глубок и содержателен блестящий по живописности портрет Мейера Хольда, также принадлежащий кисти Кончаловского!

Не могу здесь не вспомнить замечательный портрет Ахматовой, написанный Петровым-Водкиным. И глубоко чуждые портреты Сарры Лебедевой.

Мне самому ближе лирические типы жизни. Я знаю, что жизнь состоит не только из хорошего, вижу многое, что меня огорчает. Говорить об этом тоже надо, но как я уже сказал, каждому свое. Один и тот же эпизод — а разные художники возьмут от него то, что каждому из них близко и интересно.

Вам, наверно, случалось видеть, как какой-нибудь дачный поезд приступом берет рыночные торговки. Красные, распаренные, нагруженные тяжелыми мешками. Проворуют к месту, тяжело плюхнутся на него. Кажется, готовый сюжет — но только не мой. И вдруг эта же женщина повернется, и золотистые мягкие волосы, выбившись из-под платка, скользнут по щеке. Это я уже буду писать, хочу писать. Потому что в этом для меня открывается красота, даже не только женская, но красота самой жизни, пластика. А пластика и есть жизнь, только построенная по законам красоты и гармонии, метафорически многозначная.

Мне кажется, что первый закон для художника, художника любого жанра — это искренность. Салонное искусство, кого-то прикрашивающее, кому-то льстящее, всегда неискренне. Так же, как и парадные официальные портреты, которые, в сущности, тоже являются

ся одной из разновидностей салона. Художник должен не «стараться понравиться», но вложить в свою работу душу — это обязательный закон искусства.

...К стене мастерской прислонено два новых портрета: Андрей Попов в роли Грозного и неоконченный портрет Юлии Борисовой в роли Настасьи Филипповны. О них Пименов говорит:

— Я верю моей любви к театру — много лет работал для него, одних декораций сколько сделал! Но и театр выручал меня в трудные годы жизни. В театре мне нравится многое: и нарядность костюмов [всегда охотно пишу парчу и кружева, вышивки и оборки], и современные лица, измененные гримом и светом, и вся театральная атмосфера, и возникающее на сцене преобразование жизни. В нем есть то, что в особенно ценю и в живописи: умение показать отдельные явления и события, создав этим мимолетное настроение, и сосредоточить внимание зрителя на главном в жизни и во времени.

...Удалось ли это художнику в портрете Попова? Грозного? — думаю в это время я. Полотно очень красиво и по силе, насыщенности цветов, и по их сочетаниям — золотая парча, резное узорчье посоха, сияние вокруг ликов золотого иконостаса, праздничная декоративность и красочность. Но не заслоняет ли это великолепие и веление основную идею картины? Как относится художник к изображаемому? Зато, глядя на Борисову — Настасью Филипповну, уже не задаешь себе никаких вопросов. Здесь подлинная глубина — глубина завершенности мысли и чувства. Трудное соотношение красок — черное платье на черном фоне, белизна рук и нервного, как бы сведенного внутренней болью лица — мастерски разрешено художником. Очень красивы гибкие обнаженные руки, красиво и лицо с четко обозначенной трагической складкой в углах рта, но главное в нем не красота и даже не страдание. Пожалуй, главное в нем — тревожный блеск глаз, печальных, растерянных и вместе с тем требовательных. Требовательных к себе и к другим. И вся Настасья Филипповна — растерянная и требовательная одновременно, вся она — воплощение отнюдь не земленного самолюбия, но огромной, взволнованной и зыбкой совести.

Удивительно! Такой в общем лирический художник — и вдруг самые трагические женские образы русской литературы — Анна Каренина, Настасья Филипповна. Обе они у Пименова трагичней по-разному: одну никак не поставишь на место другой.

Какой же портрет завершение по замыслу и исполнению? Где более осуществилась художническая мечта? Мне кажется — в Настасье Филипповне. В «Анне» была Самойлова, была женщина 60-х годов XX века. В Настасье Филипповне — Достоевский и Борисова — актриса и женщина — наша современница слились воедино. Получилась как бы психологическая трехмерность.

— Где вы будете их экспонировать, Юрий Иванович?

— Где буду — не знаю. Но, если говорить о мечтах, скажу, где мне хотелось бы их видеть. В Академии художеств была идея: организовать экспозицию советского портрета за 50 лет. От Малютина и Нестерова до сегодняшних молодых художников. Показать современников во всех их душевных и эстетических проявлениях. И если на этой выставке будут спорить — от людей, живопись должна будоражить людей, тревожить их, заставляя думать. Хорошо бы, чтоб Академия распахнула свои двери и для творческой молодежи страны — показала бы и их работы, организовала бы вокруг выставки обсуждения и дискуссии. Пусть была бы возможность сравнить молодые поиски и находки с работами старших художников — это необходимо художникам и зрителям как хлеб насущный.

Я верю в необходимость искусства людям и верю в постоянное развитие искусства вместе с жизнью, верю в реализм, который всегда бывает новым. Живопись прочно связана с жизнью и должна искать новые соответствующие жизни формы выражения.

...Взаимосвязанность, неразрывность искусства и жизни — это и есть художественное кредо Пименова. Всем своим творчеством он показал, как ощущает дыхание времени, как умеет сохранить его для будущих поколений. Чувство времени воплощено и в сюжетах его полотен, и в лирической приподнятости их подтекста, и в живописной легкости мазков, и в теплой игре золотистых, розовых и голубоватых тонов, и прежде всего в романтически взволнованном восприятии мира.

В незначительных, казалось бы, явлениях советского быта он умеет увидеть и выявить внутреннюю содержательность, уловить поэзию новых человеческих чувств и отношений. В этой поэзии — неповторимое по индивидуальности лицо художника. В поэзии, которая одухотворяет его картины трепетной, неизбывной алчностью и верой в жизнь.

Ольга ВОРОНОВА

Ю. ПИМЕНОВ. «Осенняя станция».